

№

21

Атрактъ выходитъ еженедѣльно. Цѣна изданію—за годъ (40 №№): безъ доставки—2 р., съ доставкою на домъ въ Москвѣ—2 р. 50 к. и съ пер. изъ другіе города—3 р. 50 к., за полгода: безъ доставки 1 р. 25 к., съ доставкою на домъ въ Москвѣ 1 р. 50 к., и съ пересылкою изъ другіе города 2 р., за 3 мѣсяца: безъ доставки 75 к., съ доставкою на домъ въ Москвѣ 1 р. и съ пересылкою изъ другіе города 1 р. 50 к. Цѣна отдѣльному экземпляру нумера 10 к. Подписка принимается: въ Москвѣ—въ конторѣ Атракта при типографіи И. И. Смирнова (на Никольской улицѣ), въ типографіи императорскихъ театровъ Т. Руса (у Мясницкихъ воротъ), у книгопродавцевъ: бр. Салаевыхъ, Улитина, Соловьева, Черянина и Глазунова, въ магазинахъ Нераловскаго и Корещенко старшаго, въ почтамтѣ и по время спектаклей въ книжной завѣдѣ Большаго театра; въ С.-Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ А. Я. Давыдова, на Невскомъ проспектѣ.

Содержаніе: Отрывки изъ памятной книжки отставнаго режиссера, С. П. Соловьева.—Письмо къ редактору, Н. В. Покляева.—Смѣсь (Г. Музиль. Выпускъ изъ театральнаго училища и изъ петербургской консерваторіи. Возвращеніе петербургскихъ артистовъ. Кн. Голицынъ. Ангажементы. Безплатный спектакль. Новыя пьесы. Случай. Севильскій цирюльникъ Паззіоло. Памятникъ Бедлини. Старые знакомые. Опасный промыселъ. Деверіа. Фанатизмъ. Безрукій музыкантъ. Новыя книги. Предчувствіе. Анекдоты. Пуньи. Петербургскія театральныя повести. Острота Россіи).—Объявленіе.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПАМЯТНОЙ КНИЖКИ ОТСТАВНАГО РЕЖИССЕРА.

Въ театральномъ мірѣ появляются иногда личности, до такой степени обладающія способностью подражать игрѣ другвхъ актеровъ, что ихъ подражаніе бываетъ очень трудно отличить отъ предвзятыхъ или оригиналовъ; но эта способность почти всегда исключаетъ всякую самобытность и всякое творчество; люди съ этою способностью, какъ зеркало, холодно и безучастно отражаютъ то, что передъ ними, одни вещевыше, чувственыше предметы. Во время моихъ учительскихъ занятій драматическимъ искусствомъ въ московской театральной школѣ былъ у меня ученикъ, экстерный воспитанникъ школы, Д. Башкировъ, который съ поразительнымъ сходствомъ подражалъ игрѣ извѣстнаго комика Мартынова въ тѣхъ роляхъ изъ его репертуара, въ которыхъ почти нѣтъ никакого внутренняго содержанія, а преобладаетъ одна внѣшняя типичность, какъ напримѣръ въ роли Наумыча въ водевилѣ *Жена каменщика*, въ роли Дядюшки-болтуни въ водевилѣ того же названія и въ другихъ въ этомъ же родѣ; въ нихъ Башкировъ усвоилъ себѣ голосъ Мартынова, его манеру говорить, походку, всѣ малѣйшія движенія, гримировку лица и костюмъ; во всѣхъ же другихъ роляхъ, даже самыхъ ничтожныхъ, но въ которыхъ онъ не видалъ кого-либо изъ актеровъ, онъ былъ ниже посредственности. Заговоривъ теперь объ этомъ

маленькомъ подражателѣ, и невольно вспомнилъ объ одной личности, которая нѣкогда надѣлала очень много шума, сначала въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ.

Однажды къ инспектору репертуара московскаго театра, А. Н. Верстовскому, явился молодой человѣкъ, высокаго роста, хорошо сложенный; красивое, выразительное лицо, черные волосы, такого же цвѣта глаза и пріятный звучный голосъ баритона тембра. А. Н. Верстовскій, будучи самъ артистомъ въ дупѣ и проведши почти всю жизнь на службѣ при театрѣ, при взглядѣ на него, невольно подумалъ: вотъ личность, которая такъ и просится на сцену.—Что вамъ угодно?—спросилъ онъ.—Я пришелъ просить дозволенія дебютировать въ здѣшней сценѣ,—отвѣчалъ пришедшій.—Вы хотите поступить на службу въ театръ?—Точно такъ.—Какую же роль вы избрали для своего дебюта?—Гамлета.—Позволеніе было дано; явился режиссеръ, чтобы условиться съ деютантомъ объ репетиціяхъ и о самомъ днѣ дебюта.—Сколько вамъ нужно репетицій?—спросилъ у него режиссеръ.—Двѣ; одну въ затѣ, другую на сценѣ съ декорациями, съ выходящими и со всѣми аксессуарами.—Только двѣ?—переспросилъ режиссеръ, удивленный слишкомъ скромной цифрой репетицій для такой роли, какъ Гамлетъ.—Только двѣ; больше для меня не нужно.—Вы, вѣроятно, играли эту роль гдѣ нибудь въ провинціи или здѣсь на домашнемъ спектаклѣ?—Нигдѣ и никогда; но я много разъ видѣлъ въ этой роли Моцарова и Каратыгина, когда онъ пріѣзжалъ въ Москву,

и хорошо помню все мѣста и выходы. — Наконецъ былъ объявленъ день спектакля съ дебютантомъ, избравшимъ для афиши псевдонимъ *С. танина*. Накупивъ въ кассѣ уже не было билетовъ; такъ желала Москва посмотреть новаго Гамлета. Спектакль начался, вотъ и выходъ Гамлета. Красивая паружность дебютанта произвела эффектъ; его встрѣтили рукоплесканіями, которые не умолкали въ продолженіе всей пѣсы и шли crescendo, а въ концѣ превратились въ оглушительный громъ и крикъ; восторженные зрители въ продолженіи всей пѣсы безпрестанно обращались другъ къ другу со словами: «Не правда ли, что этотъ монологъ онъ провелъ рѣшительно, какъ Мочаловъ? — Ахъ да, да! Прекрасно! Bravo! А вотъ въ этой сценѣ онъ напомнилъ Каратыгина. — Именно! Даже и голосъ чрезвычайно похожъ! Превосходно! Bravo! — Дебютантъ былъ вызванъ шесть разъ: фактъ небывалый въ то время. Тогда публика была очень скупа на вызовы в первыхъ любимѣйшихъ артистовъ вызывала только одинъ разъ по окончаніи пѣсы и пѣсьма рѣдко послѣ какого нибудь особенно блестящаго акта. Театральное начальство отъ удовольствія потирало руки, а актеры на кулисахъ неоднократно покатывали головами. *Гамлета* дали нѣсколько разъ съ небольшими промежутками и каждый разъ публика была все также многочисленна и восторженна. Дебютантъ былъ принятъ на службу къ театру. Черезъ нѣсколько времени даютъ ему роль изъ одной драмы, и роль, разумѣется, первую. Играетъ. Театръ полонъ, но что же это? Въ зрительной затѣ царствуетъ глубокое, могильное молчаніе... Какалъ этому причина? Причина та, что въ нашемъ нѣкогда знаменитомъ дебютантѣ не оказалось теперь ни игры, ни одушевленія, ни малѣйшей обдуманности; однимъ словомъ, онъ былъ неузнаваемъ; театральное начальство покѣсило голову, закулисный міръ лукаво улыбался.

Даютъ другую роль, третью, четвертую — все та же участь: паденіе и паденіе! Онъ даже не выполнялъ перваго и самаго необходимаго условія — совѣтъ не учить ролей. Кончилось тѣмъ, что начальство принуждено было попросить этого доморощеннаго, но неудавшагося Гаррика оставить московскую сцену. Онъ съ стоическимъ спокойствіемъ выслушалъ этотъ приговоръ и съ гордостью непризнаннаго гения отряхнулъ прахъ съ своихъ ногъ на порогъ московскаго театра и отправился на петербургскій; тамъ дебютировать также въ *Гамлетѣ*; уеіхъ былъ чудовищный, дебютанта вызывали двѣнадцать разъ! Критики, а въ томъ числѣ и Аполоны Григорьевъ, отзывались объ немъ съ большими похвалами. Петербургская дирекція посѣбила принять дебютанта на службу и одного не могла понять, какъ Москва рѣшилась разстаться съ такимъ крупнымъ талантомъ.

Прошло нѣсколько времени; на сценѣ Александринскаго театра шла драма — *Жизнь героя*, въ которой главную роль, Адольфа, игралъ нашъ знаменитый дебютантъ. Первый актъ прошелъ какъ-то вяло, особенно у главнаго персонажа; онъ часто дѣлалъ очень

длиныя паузы безъ всякой видимой причины, перепутывалъ фразы, коверкалъ слова. Начался второй актъ; театръ представляетъ спальню Амаліи, жены Адольфа; на сценѣ глубокая ночь, Амалія, испуганная и оскорбленная дерзкимъ похищеніемъ коварнаго друга своего мужа, упала въ обморокъ; въ это время, у запертой двери, раздается стукъ; это возвратился Адольфъ изъ игорнаго дома. — Амалія! — кричитъ онъ громкимъ голосомъ, — Амалія! *Откры!* — и сейчасъ же также громко прибавляетъ: *Отъ, то бишь, отвори!* Разумѣется, за этимъ послѣдовалъ страшный взрывъ хохота въ публикѣ и за кулисами. Прошло еще нѣсколько времени; потомъ же Александринскомъ театрѣ давали драму: *Гамлетъ*; роль Гамлета игралъ Максимовъ, а роль Тѣни изображалъ знакомый намъ дебютантъ. Вотъ оно, колесо-то фортуны! Въ то время постановка этой пѣсы на петербургской сценѣ разяпла съ постановкою ея на московской; такъ, наприимѣръ, въ Петербургѣ сцена между Тѣнью и Гамлетомъ въ комнатѣ королевы въ 3-мъ актѣ не выбрасывалась, какъ выбрасывалась она въ то время на московскомъ театрѣ. Въ Петербургѣ въ этой сценѣ Тѣнь являлась въ большой картинной рамѣ, висѣвшей на стѣнѣ; позади рамы горѣли въ особомъ аппаратѣ лампы; около нихъ стояли вечеровые, которые въ извѣстное время ихъ тушили, о чемъ обыкновенно имъ говорилъ актеръ, игравшій роль Тѣни. Вотъ нашъ знакомецъ говоритъ послѣднія слова своего появленія и также громко прибавляетъ: «Давай!» Последнее слово было имъ сказано, какъ повѣстка вечеровымъ. Тогда Петербургъ понялъ, почему нѣкогда Москва разсталась съ симъ великимъ лицедѣемъ; но онъ поступилъ великодушно: первой, — оставилъ на службѣ этого крупный талантъ. Такъ вотъ до какихъ огромныхъ размѣровъ можетъ иногда дойти способность подражанія.

Два случая изъ жизни нашего знаменитаго трагика П. С. Мочалова, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, никогда не изгладятся изъ моей памяти; изъ нихъ талантливый писатель могъ бы написать цѣлую драму, полную глубокаго значенія и житейской правды. Драма — *Гамлетъ, принцъ датскій*, въ переводѣ Н. А. Попова, шла въ первый разъ на сценѣ московскаго театра въ бенефисъ Мочалова. Переводъ этотъ страдаетъ многими недостатками, но переводчикъ заслуживаетъ благодарности за то, что онъ первый познакомилъ сначала Москву, а потомъ и Петербургъ съ однимъ изъ лучшихъ созданій безсмертнаго поэта; до того-же времени на сценѣ обѣихъ столицъ игралъ *Гамлетъ* въ уродливой переделкѣ Дюсселя, принаровленной къ русской сценѣ Висковатовымъ. Въ первое представленіе главные роли этой драмы были распределены слѣдующимъ образомъ: Гамлетъ — Мочаловъ, Офелія — Орлова, Королева — Львова-Синицкая, Полоній — Щенкинъ, Лаэртъ — Самаринъ, Король — Козловскій. Надо отдать справедливость всемъ артистамъ, игравшимъ въ этой пѣсѣ: они съ особенною любовью отнеслись къ своему дѣлу; не смотря на

многочисленные и очень продолжительныя репетиціи, не было слышно ни малѣйшаго ропота; артисты понимали, какая великая отвѣтственность лежала на нихъ при представленіи этого гениальнаго произведенія и каждый употреблялъ все силы, все средства, чтобы при исполненіи своей роли достигнуть возможнаго совершенства. Такое похвальное усиліе не осталось безъ добраго результата; одинъ только изъ исполнителей былъ ниже всякой посредственности и много вредилъ общему прекрасному впечатлѣнію; этотъ одинъ—былъ г. Козловскій, игравшій роль Короля, актеръ совершенно бездарный. Игра Мочалова въ *Гамлетѣ* была подробно описана и разобрана Бѣляскимъ; вся эта роль для Мочалова была какъ бы торжественнымъ шествіемъ триумфатора; безпрестанныя рукоплесканія и безчисленные вызовы сопровождали каждую сцену, каждое дѣйствіе. Артистъ задалъ себѣ великую задачу, долго трудился надъ нею и, наконецъ, разрѣшилъ ее самымъ блестящимъ образомъ. Спектакль окончился. Мочаловъ, усталый и измученный физически, но спокойный и довольный нравственно, переживалъ великія, чудныя минуты изъ жизни артиста, минуты послѣ успѣшнаго совершенія художественнаго труда; онъ былъ счастливъ и жаждалъ подѣлиться этимъ глубокимъ чувствомъ, которое не уменьшается, но увеличивается отъ раздѣла; ему необходимо было нужно сочувствіе теплой любви или истинной дружбы. Мочаловъ не имѣлъ друзей, хотя и враговъ у него не было: въ закулисномъ мірѣ главный элементъ вражды заключается въ завистливомъ соперничествѣ, а у Мочалова соперниковъ не было, и съ нимъ жили все согласно, но безъ дружескихъ связей. Какъ теперь смотрю на него: онъ тихо спускался съ лѣстницы, ведшей изъ уборныхъ на театральнѣй подѣздъ, на которомъ уже было много артистовъ, ожидавшихъ отправки домой; у подѣзда стояла карета бенефицианта, гдѣ уже спало его семейство. На Мочаловѣ была низенькая бархатная шапка съ меховымъ околышемъ и небрежно надѣтая медвѣжья шуба; онъ шелъ тихо, весело разговаривая съ артистами; они поздравляли его съ благополучнымъ окончаніемъ бенефиса, а онъ всѣхъ благодарилъ за участіе въ его спектаклѣ; его чрезвычайно симпатичное лицо сіяло довольствомъ и радостію. Вдругъ, изъ стоявшей у подѣзда кареты раздался сердитый женскій голосъ: — Навелъ Степанычъ! Что-жъ ты не идешь? Ты никакъ съ ума сошелъ! Заставляешь насъ столько времени дожидаться!—При этихъ словахъ Мочаловъ вздрогнулъ всемъ тѣломъ и на его лицѣ, за минуту счастливомъ, выразилась мучительная, безвыходная тоска; онъ молча сошелъ съ крыльца подѣзда и сѣлъ въ карету. Стоявшій тутъ же М. С. Щепкинъ съ какимъ-то ожесточеніемъ плюнулъ въ слѣдъ уѣхавшей кареты и въ полголоса проговорилъ:

— О, злая баба! Заѣсть она челоѣка!—

М. Д. Львова-Спиецкая избрала для своего бенефиса одну драму, въ которой главную роль долженъ былъ играть П. О. Мочаловъ; но онъ былъ уже около двухъ недѣль

болѣнъ, а до бенефиса оставалось только нѣсколько дней. Бенефициантка попросила меня къ нему съѣздить, узнать объ его здоровьи и можетъ-ли она рассчитывать на его участіе въ ея бенефисѣ. Я отправился къ Мочалову часовъ въ шесть вечера; онъ принималъ тогда довольно большой домъ. Пріѣхавъ, я увидѣлъ, что изъ оконъ нѣсколько этажа было совершенно темно, а въ верху видѣлся огонь: но я зналъ, что вънизу, въ числѣ другихъ комнатъ, находились кабинетъ и спальня Мочалова: поэтому я и отправился въ низъ. Войдя въ темную прихожую, я ошущю отмскалъ спящаго слугу, котораго Мочаловъ окрестилъ именемъ Лафоре, именемъ известной служанки Мольера, которой, какъ говорятъ преданіе, Мольеръ всегда первой читалъ свои новыя комедіи, а если Лафоре, слушая ихъ, весело смѣялась, то онъ убѣждался въ ихъ успѣхъ на сценѣ—и не ошибался; если же, напротивъ, она, слушая какое либо изъ его произведеній, оставалась молчалива и серьезна, то онъ сейчасъ же садился его передѣлывать. Я попросилъ этого Лафоре взойти къ Мочалову и, если онъ не спитъ, сказать ему, что одинъ изъ театральнхъ пріѣхалъ его навѣстить. Лафоре отправился. Черезъ нѣсколько минутъ въ полуотворенныя двери я увидѣлъ, что задняя комната освѣтилась и, по приглашенію того же слуги, я вошелъ въ залу, потомъ въ гостиную. При входѣ меня охватилъ какой-то непріятный, пропитанный холодъ; чувствовалось что-то неживое, не ласковое. Вскорѣ вошелъ и Мочаловъ, его взявъ подъ руку Лафоре. Но Мочаловъ-ли это?... Можно ли такъ ужасно измѣниться въ такое короткое время! Онъ страшно похудѣлъ, волосы въ беспорядкѣ падали на лобъ, глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ, руки и ноги тряслись. Войдя, онъ тяжело опустился въ кресла. Я извинился, что обезпокоилъ его.—Помилуйте,—сказалъ онъ болѣзненнымъ, разбитымъ голосомъ.—Какое безпокойство! Да я душевно радъ, что наконецъ слышу голосъ живаго челоѣка. Вѣдь и все одинъ, а одиночество при болѣзни ужаснѣе всего.—Но ваше семейство,—проговорилъ я невольно и сейчасъ же очень раскаялся. При моихъ словахъ онъ судорожно подернулъ плечами; въ глазахъ блеснула какой-то странный огонь и блѣдныя, худыя губы сложились въ горькую улыбку.—Мое семейство!—сказалъ онъ, послѣ небольшого молчанія,—Мое семейство тамъ.—И онъ указалъ рукой на верхній этажъ.—Но вотъ уже нѣсколько дней я никого не вижу. Вѣрно, чѣмъ-нибудь заняты... А впрочемъ, что-же и за удовольствіе сидѣть съ болѣзненнымъ челоѣкомъ?... Одинъ только Лафоре меня терпѣлъ и въ покое, вѣроятно, что онъ очень глупъ, да и жалованье порядочное получаетъ!—Сказавъ это, онъ облокотился на столъ и опустилъ на руку голову, потомъ вдругъ ее поднялъ и, потирая пальцами по столу, сказалъ, обращаясь ко мнѣ: —Посмотрите, какимъ богатымъ ковромъ покрытъ мой столъ...—Я взглянулъ; столъ былъ покрытъ густымъ слоемъ пыли; сейчасъ было видно, что тутъ обо всемъ заботилась рука любящей женщины! Въ голосѣ Мочалова звучало столько глубокаго горя, столько

ко душевной тоски, что невозможно было его слышать безъ сердечной боли. Сцена эта была невыносимо тяжела. Я послѣшилъ передать ему порученіе бенефициантки.—Прѣ всемъ моему желанію,—отвѣчалъ Мочаловъ,—едва ли буду я въ силахъ играть. Вы сами видите, въ какомъ и положеніи. Скажите Марья Дмитріевнѣ, что я ей совѣтую на всякій случай попросить кого-нибудь подучить мою роль.—

Я простился съ нимъ и, выйдя на улицу, съ особеннымъ удовольствіемъ вдохнулъ въ себя струю холоднаго звняго воздуха.

Не помню, кто-то сказалъ,— что лучшимъ людямъ, особенно талантливымъ художникамъ, рѣдко выпадаетъ на долю семейное счастье.

С. Соловьевъ.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

Давно собирался я поговорить печатно о жалкомъ состояніи оркестра нашего Малаго театра. Такъ какъ никто не опередилъ меня, то я и рѣшился теперь по-дѣлиться съ читателями *Антракта* моими впечатлѣніями.

Вотъ уже слишкомъ десять лѣтъ, какъ я началъ постоянно посѣщать любимый мною Малый театръ, и въ продолженіи этого времени я по необходимости принужденъ былъ услаждаться все одной и той же прелюдіей, или пятродукціей передъ началомъ каждой новой піесы, съ пѣкогорыми, впрочемъ, измѣненіями и перемѣнами—въ лучшемъ случаѣ, скажу я къ сожалѣнію Оркестръ Малаго театра только прѣдъка дѣлаетъ исключенія для нѣкоторыхъ піесъ (*); остальнымъ же предоставляетъ онъ терпѣть плачевную участь. Такая музыка можетъ имѣть вліяніе и на впечатлѣніе, производимое самимъ піесами: онѣ невольно могутъ показаться и болѣе скучными, и болѣе однообразными, и болѣе вялыми. Пора подумать объ этомъ и по силѣ возможности улучшить оркестръ Малаго театра, какъ болѣе строгимъ и разнообразнымъ выборомъ піесъ, такъ и самымъ его составомъ. Мало-ли можно найдти хорошихъ, интересныхъ и незаграничныхъ піесъ для оркестра! Стоитъ только позаботиться объ этомъ выборѣ и съ запасомъ свѣжихъ новостей представлялась бы полная возможность удовлетворить нашу певзискательную публику и разнообразить спектакли новымъ выборомъ музыкальныхъ піесъ.

Года два тому назадъ, я высказалъ въ *Антрактѣ* (№ 11 1866 г.) мысль о дневныхъ праздничныхъ спектакляхъ на нашихъ театрахъ, представилъ существенныя къ тому доказательства и непремѣнную ихъ выгоду. Мысль моя не пропала даромъ, не затерялась, а осуществилась наконецъ; но только, къ моему глубокому сожалѣнію, не вполне. Въ 1866 году, на святкахъ, какъ бы въ видѣ опыта, даны были у насъ три утреннихъ спектакля. Когда опытъ этотъ оказался удачнымъ,

(*) Такъ напр., для *Послѣды* г. Островскаго была написана новая увертюра и для *Самозванца* Лубы г. Самарина—тоже.

то уже въ нынѣшнія святки дано было утреннихъ спектаклей не три, а цѣлыхъ восемь. Слава Богу, дѣло, кажется, идетъ на ладъ. Нельзя же и требовать всего вдругъ.

Но если мое слабое слово года два тому назадъ объ утреннихъ спектакляхъ на праздникахъ сказалося «въ добрый часъ» и было услышано, то, можетъ быть, и теперь, съ моею легкой руки, позаботятся объ улучшеніи оркестра Малаго театра.

Н. Полежаевъ.

С М Ъ С Ь.

Актеръ Музиль поступилъ снова на службу къ московскимъ театрамъ.

29-го мая былъ выпускъ изъ московскаго театральнаго училища. Выпущены: въ драматическую труппу—экстерная воспитанница *М. Мочалина*, въ балетную—пансіонерка дирекціи *Е. М. Андреевна*, своекоштная пансіонерка *А. Денисова* и экстерныя воспитанницы: *М. Павлова*, *А. Еремьева*, *М. Иванова* и *Е. Лобанова*—*корифейками*; пансіонерка дирекціи *А. Косицкая*, своекоштная пансіонерка *Е. Зыбина*, *Н. Воробьева* и *Н. Астафьева*, экстерныя воспитанницы *Екат. Андреевна* и *Е. Сметникова*—*фигурантками*; экстерныя воспитанницы *А. Гуляевъ* и *А. Ширяевъ*—*корифеями*. Окончившая курсъ въ прошломъ году, но оставленная на жительство въ школѣ, г-жа Шапошникова тоже выпущена изъ училища.

Выпускъ воспитанниковъ и воспитанницъ изъ петербургскаго театральнаго училища совершился въ день святой Троицы, 19 мая. Русская драматическая труппа вслѣдствіе этого выпуска увеличилась еще на пять чело-вѣкъ въ своемъ составѣ. Увеличился также и балетъ. Въ русскую драматическую труппу выпущены: г-жи Орловская и Васильева, гг. Журинъ, Ашпковъ и Солпцевъ (суфлеръ). Валетъ сдѣлалъ довольно капитальное приобрѣтеніе въ лицѣ балерины г-жи Вергной и солистки г-жи Шапошниковой. Остальные персонажи пылкого выпуска не могутъ считаться капитальными приобрѣтеніями.

23-го мая,—пишутъ въ *Московскія Вѣдомости* изъ Петербурга,—въ Михайловскомъ дворцѣ былъ публичный актъ для третьяго выпуска учениковъ С.-Петербургской консерваторіи. Актъ происходилъ въ пзашной театальной залѣ дворца и состоялъ изъ нѣсколькихъ нумеровъ пѣнія и игры на разныхъ инструментахъ, послѣ чего Августѣйшая Цокровительница Русскаго Музыкальнаго Общества, Великая княгиня Елена Павловна, наградила изъ своихъ рукъ серебряными медалями двухъ выпускныхъ воспитанницъ, удостоенныхъ этой награды приговоромъ дирекціи училища: Марію Лоппову (фортепьяннаго класса профессора Дрейшюка) и Елпсавету Мавровскую (класса пѣнія профессора г-жи Ниссенъ-Саломанъ). Единодушныя рукоплесканія

публики, состоявшей из знатоков и любителей музыки и избравшей части петербургского общества, засвидетельствовали справедливость этого приговора. Г-жа Логина, исполнившая ларгетто и финаль концерта Шопена (F-mol), восхитила слушателей силой, чистотой, легкостью своей игры и необыкновенною мягкостью, нежностью и — если можно так выразиться — поэтичностью своего туше; талант г-жи Лавровской уже был известен публике. Очень приятное впечатление произведено было на слушателей превосходною игрою г. Помазанского на арфе (он получил высшую для учеников консерватории награду — диплом на звание свободного художника), а также пением г-жи Ирецкой и Минквиц; первая спела арию из *Жизни за Царя* («В поле чистое гляжу»), вторая — из *Руссана и Людмилы* («Чудный сон живой любви»); оба получили от консерватории похвальные аттестаты. Последним номером акта было прелестное трио из *Тайного брака* Чимарозы, исполненное г-жами Ирецкою, Минквиц и Лавровскою.

Мы уже сообщали нашим читателям, годъ тому назад, что некоторые из артистов и артисток русской драматической труппы командированы были на тифлисскую сцену. Из командировки этой вернулись теперь г. и г-жа Яблочковы; ожидают Соколова и других. Гг. Аграмов и Аркадьев, г-жи Карпова и Сметкова остались в Тифлисе.

28 мая Князь Ю. Н. Голицын давал концерт в Павловском вокзале, сопровождавшийся большим успехом. Хоръ, которым пригласил Князь Голицынъ, состоялъ какъ изъ певцовъ, имъ привезенныхъ, тамъ и хористовъ и хористокъ петербургской русской оперы.

В *Wanderer* пишутъ, что въ составъ петербургской итальянской оперы ангажированъ за 95,000 франковъ на три мѣсяца теперь Фраскинни, который уже въ 1847 году пѣлъ въ Лондонѣ.

Въ *Моск. Вѣд.* пишутъ изъ Петербурга, что въ виду предстоящаго въ Петербургѣ особенно блистательнаго сезона итальянской оперы, принимаются энергическія мѣры для поддержки и оперы русской. Усиливается оркестръ, усиливаются хоры. Въ персоналъ оперной труппы ангажирована новая певица-контральто, г-жа Сплуннова, очень известная въ петербургскомъ музыкальномъ мірѣ приятнымъ обширнымъ и обработаннымъ голосомъ. Ея ангажементъ чуть было не повелъ къ печальной утратѣ: поговаривали, что г-жа Леопова оставляетъ сцену. Намъ увѣряютъ, однако, что опасенія эти не подтвердились и что г-жа Леопова, любимица публики и ветеранка оперической сцены, не скоро еще ее покинетъ. Изъ нея невозможно было бы исполненіе некоторыхъ оперныхъ партій, требующихъ отъ певицы не только драматизма, но и сценической опытности, какъ, напримеръ, партія Рогнеды

въ оперѣ г. Сирова, или партія княгини въ *Русанъ* г. Даргомыжскаго. Говорятъ, что въ *Лоангринъ*, предлагаемомъ къ постановкѣ на петербургской сценѣ въ предстоящій сезонъ, г-жа Леопова будетъ чередоваться съ г-жею Силуяною.

21-го мая, въ день тезоименитства Его Императорскаго Высочества генералъ-адмирала Великаго Князя Константина Николаевича, въ кривитадтскомъ театрѣ группою подъ управленіемъ А. М. Читау данъ былъ бесплатный спектакль для нижнихъ чиновъ морскаго вѣдомства. Давали комедію *Вѣдливость не порокъ* и водевилъ *Простушка и воспитанная*. Въ одномъ изъ антрактовъ былъ сыгранъ русскій народный гимнъ.

Изъ Бадена сообщаютъ въ газету «Nord», отъ 26-го мая (1-го іюня), что столь любимый русскою читающею публикою, знаменитый писатель нашъ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, на театрѣ въ своей Виллѣ Тургартенъ, близъ Баден-Бадена, давалъ театральное представленіе. Надвяхъ, избранное общество, въ томъ числѣ королева прусская, великая герцогиня баденская, супруга принца Вильгельма баденскаго и множество другихъ знатныхъ лицъ присутствовали на первомъ представленіи двухъактной фантастической оперетки подъ названіемъ «Ogre», conte de fee, либретто которой написано г. Тургеневымъ, а музыка сочинена г-жею Полиною Вярдо. Актёрами новой пьесы были слѣдующія лица: г. Тургеневъ въ роли великана-людоеда, г-жа Вярдо въ роли принца Сафира, молодая, весьма талантливая певица Байлодзъ, изъ Бреславля, — въ роли принцессы Алели, и сверхъ того, дѣти г-жи Вярдо: Клавдія, Маріанна и малышій Павелъ, носившій саблю, въ роли адъютанта Эстатбардоса. Хоръ состоялъ изъ девяти молодыхъ дѣвицъ, замѣчательныхъ по своему таланту и красотѣ, воспитаницъ г-жи Вярдо. Штутгартскій капельмейстеръ Энкертъ былъ режиссеромъ и пѣвистомъ. Эта пьеса, исполненная юмора и остроумія, имѣла полнѣйшій успѣхъ. Слова пьесы, музыка и игра заслужили всеобщее одобреніе; особенно же остались довольны игрою г. Тургенева, г-жи Полины Вярдо и г-жи Байлодзъ. Полагаютъ, что представленіе это не будетъ послѣднимъ.

Въ Парижѣ, на сценѣ театра Ambigu, дана 1-го іюня нов. стпль драма Жюль Адена и Октавы Гастано «La Cagipen», въ которой главное дѣйствующее лицо — императрица Екатерина II. Само собою разумѣется, что характеръ императрицы совершенно искаженъ французскими драматургами; это замѣчаютъ даже парижскіе хроникеры, весьма невѣжественные въ русской исторіи.

Парижскія газеты сообщаютъ, что Оберъ окончилъ первый актъ своей новой комической оперы *Мечта любви* (Reve d'amour). Въ тоже время извѣщаютъ, что одною изъ первыхъ повостей предстоящаго зимняго

сезона въ Парижѣ будетъ трехъ-актная опера Флотова *Тиль* (*L'opéra*).

— Въ *Пештбудимскихъ Вѣдомостяхъ* сообщаютъ, что для пештскаго національнаго театра исторія Юліи Эбергени, отравившей жену своего любовника, графиню Хорпнскую, передѣлана въ драму, которая вскорѣ будетъ поставлена на сцену.

Недавно представленіе на Пале-рояльскомъ театрѣ въ Парижѣ пьесы «*Diables roses*» было прервано на нѣсколько минутъ нижеслѣдующимъ случаемъ: дебютировавшая въ этой пьесѣ актриса Юлія Баронъ подошла такъ близко къ рампѣ, что отъ газа вспыхнуло ея бѣлое кисейное платье. Въ ту же минуту въ публикѣ раздался общій крикъ ужаса, но молодая актриса обнаруживъ замѣчательное присутствіе духа: она спокойно оставалась на своемъ мѣстѣ и при помощи сохранившейся еще части платья ей удалось погасить загорѣвшуюся сторону. При этомъ ей помогла справиться съ горѣвшимъ платьемъ актриса Карпантье, и когда на сцену принесена была одна изъ театральныхъ помпъ,—всякая опасность уже миновала; г-жа Юлія Баронъ, продержавъ затѣмъ въ теченіи двухъ или трехъ минутъ обожженные пальцы свой въ коллодіумѣ, стала продолжать, какъ ни въ чемъ не бывало, прерванную роль при громкихъ рукоплесканіяхъ публики.

Въ Theatre des Fantaisies parisiennes въ непродолжительномъ времени будетъ возобновленъ *Севильскій цирюльникъ* Паззедло. Эта пьеса, совершенно затемненная оперой Россини, такъ мало знакома публикѣ, что врядъ ли самому ярому меломану извѣстенъ хоть одинъ ея мотивъ, кромѣ красивой аріи: «*Je suis Lindor*».

Провинціальныи совѣтъ Катаны назначилъ 2000 франковъ для содѣйствія сооруженію въ этомъ городѣ монумента знаменитому композитору Беллини.

Бывшая прошедшею осенью въ Москвѣ труппа французскихъ актеровъ подъ дирекціею Рафаэля Феликса находится въ настоящее время въ Лондонѣ, но не пользуется успѣхомъ; сборы ея очень плохи.

Страшное несчастіе случилось на дняхъ въ Дерби. Молодой 23-лѣтній юпоша, по имени Уортингтонъ, который называлъ себя «рыцаремъ водолазовъ», давалъ тамъ за послѣднее время, въ рѣкѣ Дервентъ, опасныя и страшныя представленія, на которыя стекалось обыкновенно множество народа. Онъ бросался съ подмостокъ въ 120 ф. высоты въ рѣку и давалъ тамъ подъ водою свои представленія: пилъ молоко изъ бутылки, чистилъ и съѣдалъ апельсинъ, трубилъ въ трубу и пр. На дняхъ, онъ, при громкихъ рукоплесканіяхъ зрителей, совершилъ свой прыжокъ, скрылся подъ водою—и не явился снова. Снарядили лодку, и на днѣ рѣки нашли его бездыханное тѣло. Несчастное паденіе убilo его; потеря его тѣмъ болѣе достойна сожалѣнія, что онъ, благодаря своему искусству, спасъ жизнь уже пяти человѣкъ.

Хроникеръ Temps пишетъ отъ 28 мая: «Англичане подвизаются на славу. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ знаменитому пѣвцу, или знаменитой пѣвицѣ, дирекціи театровъ Ея величества и Конент-гардеяскаго предлагали по пяти сотъ франковъ за пещеръ, теперь же г-жу Деверію, прекрасную Елену французскаго петербургскаго театра, приглашали въ Лондонъ на двадцать восемь представленій, съ платою по 2,000 франковъ за каждое. Г-жа Деверія отказалась отъ этого ангажементъ, не извѣстно только потому ли, что она находила предлагаемую ей сумму слишкомъ высокой, или слишкомъ низкой. Г-жа Шнейдербъ, какъ увѣряютъ, приняла этотъ ангажементъ».

Какіе глубокіе корни пустилъ испанскій, невѣжественный фанатизмъ даже на дѣйственной почвѣ американскихъ владѣній Испаніи, доказываетъ слѣдующій фактъ, возбуждшій слѣпый скандалъ въ Гавани. Нынѣшнею зимою тамъ играла знаменитая драматическая артистка, г-жа Ристорп, памятная намъ по тому блестящему успѣху, который имѣли ея представленія нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ нашей столицѣ. Артистка эта играла съ тѣмъ-же неизмѣннымъ успѣхомъ и на гаванской сценѣ. Между прочимъ, была представлена драма *Сестра Терезы*, въ которой выведена на сцену монахиня; но собственно религіи драма вовсе не касается. Тѣмъ не менѣе гаванскій епископъ вспыхнулъ страшнымъ негодованіемъ противъ г-жи Ристори и публично назвалъ ее злочестивою еретичкою и богоотступницею. Не довольствуясь этимъ, онъ потребовалъ вмѣшательства власти; но губернаторъ острова, генералъ Лерсунди, большой поклонникъ таланта Ристорп, не обратилъ вниманія на фанатическое требованіе его преосвященства. Тогда возбѣшенный епископъ разослалъ ко всѣмъ священникамъ своей епархіи циркуляръ, въ которомъ запретилъ звонить въ колокола при встрѣчѣ губернатора, какъ это обыкновенно дѣлается въ Гавани. Выведенный пѣзъ терпѣнія этимъ поступкомъ, генералъ Лерсунди велѣлъ арестовать епископа и отправить его прямо въ Испанію. Мадридское правительство, не смотря на свою фанатичность, на этотъ разъ одобрило образъ дѣйствія губернатора.

Въ Берлинѣ даетъ теперь концерты одинъ безрукій скрипачъ, Германъ Унтапъ, сынъ сельскаго учителя въ Восточной Пруссіи. Этому необыкновенному артисту всего девятнадцать лѣтъ. Онъ исполняетъ погами большую часть того, что дѣлается руками; между прочимъ, онъ пишетъ ногами и пишетъ очень ровно и правильно. Профессоръ музыки Шустеръ, въ Кенигсбергѣ, выучилъ его играть на скрипкѣ; виртуозъ сидитъ на стулѣ, а скрипка лежитъ передъ нимъ на низкой скамейкѣ. Двумя первыми пальцами лѣвой ноги онъ водитъ смычкомъ, а пальцами правой дотрогивается до струнъ, какъ при игрѣ на цитрѣ. Давая концертъ въ Лейпцигѣ, онъ съ большимъ успѣхомъ игралъ Andante

изъ перваго концерта Беріо, *Фантазію* Шнягле и *Романсъ* Менсербера.

Родные покойнаго редактора *Литтракта*, А. Н. Баженова, приступили къ изданію *полнаго собранія его сочиненій и переводовъ*. Изданіе предполагается въ 3 томахъ: въ первомъ будутъ помѣщены критическія статьи покойнаго, во 2-мъ—его переводы пѣсень Апарконеа и отрывки изъ двухъ комедій Арпестонапа (*Осы* и *Лягушки*) и изъ *Либеллиносовъ*, а также и лирическія стихотворенія покойнаго, въ 3-мъ томѣ—его драматическія произведенія.

Въ Парижѣ выпала книга г. Пужена, подъ заглавіемъ «Беллини, его жизнь и сочиненія». Это полнѣйшее сочиненіе, кикое только появлялось о знаменитомъ композиторѣ. Странная личность Беллини описана въ немъ чрезвычайно рельефно. Онъ даже и умеръ странно. Разъ, на одномъ великосвѣтскомъ вечерѣ, Гейне выбралъ его предметомъ своихъ насмѣшекъ, какъ онъ всегда выбиралъ кого-нибудь, и рядомъ примѣровъ доказавъ ему, что всѣ гениальные композиторы умирали въ молодости. Беллини страшно разсердился, но тѣмъ не менѣе, черезъ двѣ недѣли умеръ. Когда объ этомъ извѣстили Гейне, безжалостный саркастичъ отвѣчалъ, смѣясь: «Я его предупредилъ»

Умершій король баварскій Людвигъ I находилъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ пѣвщицей артисткой Софіей Шредеръ. Въ прошлую осень, передъ отъѣздомъ своимъ въ Ниццу, король посѣтилъ артистку, которая, при прощаніи, сказала ему: «Быть можетъ, въ послѣдній разъ, вижу я ваше величество».—Развѣ вы предполагаете, что я умру?—спросилъ король.—«О нѣтъ, я должна умереть прежде васъ, чтобъ принять *маленькое* величество». Въ самомъ дѣлѣ, Софія Шредеръ умерла за нѣсколько дней до смерти короля, почти не бывъ больною.

— Въ Лионѣ недавно появился медвѣдь, который составлялъ забаву посѣтителей городского парка. По этому случаю, въ мѣстной газетѣ напечатано письмо одного молодаго художника, который проситъ, чтобы его опредѣлили на открывающуюся за смертію медвѣдья вакансію. «Я, несчастный—говоритъ художникъ,—существованіе котораго состоитъ въ постоянной нуждѣ и въ часто повторяющемся голодѣ, никогда не знаю, буду ли обѣдать завтра, или пить. Жизнь, которую велъ медвѣдь въ паркѣ, была бы для меня земнымъ раемъ: у него была постоянная даровая квартира, постоянный завтракъ, обѣды и ужины; да сверхъ того публика баловала его и кормила сладкими прожками. Обязанности медвѣдя я исполню не хуже моего четвероногого предшественника. Я неоднократно появлялся на театральныя сцены въ роли медвѣдя, и мнѣ публика апплодировала; кажется, что это хорошій аттестатъ и дастъ мнѣ болѣе или менѣе правъ на занятіе открывшейся вакансіи. Но, кромѣ того, я буду забавлять публику, разнообразя мои представ-

ленія, чего покойный, по недостатку своего образованія, немогъ дѣлать. Я буду подавать всѣмъ лапу, любезничать съ хорошенькими женщинами, помогать ихъ любовнымъ интригамъ, даже, если нужно, буду потѣшать посѣтителей ильщъ легкимъ, но чрезвычайно выразительнымъ канканомъ, который я изучилъ до тонкости. Надѣюсь, что городъ не откажетъ въ моей просьбѣ, исполненіе которой удовлетворитъ, во первыхъ, публику, а во вторыхъ—меня, несчастнаго, предоставивъ мнѣ возможность замѣнить мою каторжную жизнь счастливымъ и пріятнымъ препровожденіемъ времени».

Въ газетѣ «International» разсказанъ слѣдующій случай. «Одна дама высшаго круга, маркиза Финсбюргъ, однажды заѣхала въ хорошо извѣстный музыкальный магазинъ въ улицѣ Регентъ-стритъ и купила тамъ музыкальных пѣснь съ сентиментальнымъ заглавіемъ. Собираясь выйти изъ магазина, гдѣ пробыла она слишкомъ часъ, маркиза остановилась у двери въ нерѣшительности. Прикащикъ, слѣдившій за движеніями покупщицы, подошелъ къ ней съ вопросомъ, не нужно ли ей еще чего-нибудь? Маркиза возвратилась къ прилавку и пристально остановила прелестные взоры свои на прикащикѣ; тотъ покраснѣлъ при этомъ до ушей. «Ахъ, я совсѣмъ позабыла,—заговорила маркиза смущеннымъ голосомъ,—я право не знаю, что это сегодня со мною; я вернулась, чтобы...» Она остановилась, какъ-бы собираясь что-то сказать. Въ это время прикащикъ поправилъ свой накладной воротничокъ и выдвинулся нѣсколько впередъ, изящно опершись рукой на конторку. «Я вернулась,—наконецъ сказала маркиза,—попросить васъ дать мнѣ прощальный поцалуй».—Сударыня,—воскликнулъ непомнявшій себя въ эту минуту коммис. «Лайте мнѣ, прошу васъ, уже совершенно свободно продолжала маркиза, «прощальный поцалуй». При этомъ она остановила томный взоръ свой на лицѣ окаменѣвшаго коммис. Не обнаруживъ ни малѣйшаго смущенія, маркиза въ третій разъ повторила свою просьбу и потомъ совершенно спокойно добавила: «Если вы не можете сдѣлать это сегодня, въ такомъ случаѣ я заѣду въ другой разъ».—Какъ, неужели!.. Прелестная маркиза Финсбюргъ.—И оцѣлѣвшій отъ восторга прикащикъ кинулся къ маркизѣ, обхватилъ ее за талию и напечатлѣлъ на щекѣ маркизы поцалуй. Но къ ужасу и изумленію несчастнаго, маркиза, спустивъ раздѣлающій крикъ, ударила изо всѣхъ силъ зонтикомъ прикащика по лицу. Въ магазинѣ тотчасъ явились три полицмена. Дѣло разъяснилось уже на другой день въ полицейскомъ баустритскомъ судѣ. Судьи успѣли освободить злополучнаго коммисъ, узнавъ, что просимый у него маркизой *прощальный поцалуй* оказался заглавіемъ новомоднаго вальса.

Въ *Нью-Йоркѣ* сообщаютъ слѣдующія любопытныя свѣдѣнія объ извѣстномъ композиторѣ балетной музыки, г. Пульп. Г. Пульпъ—личность чрезвычайно замѣчательная; даровитость и дѣятельность его, какъ композитора

балетной музыкой, по истинѣ изумительной. Онъ уроженецъ Генуи и изучалъ музыку въ миланской консерваторіи. Еще семилѣтнимъ ребенкомъ написалъ онъ нѣсколько музыкальных пѣсъ; вообще же, со времени своего музыкальнаго поприща, онъ написалъ: 311 большихъ и малыхъ балетовъ. 10 оперъ, 40 церковныхъ мессъ и 200 отдѣльных па. Нѣкоторыя его оперы пользовались въ свое время успѣхомъ, особенно: «Les contrebandidiers», «Le deserteur suisse», «Richard d'Edinbourg» и другія, постановленныя на театрѣ Ла-Скала, въ Миланѣ. Что же касается его балетовъ, то они обошли всѣ европейскія сцены, и такія композиціи, какъ «Эмеральда», «Катарина», «Няля» и «Дочь Фараона», составили ему почетную извѣстность. Въ Петербургъ прибылъ г. Пуны въ 1851 году изъ Лондона, гдѣ онъ состоялъ композиторомъ балетной музыки при тамошнемъ королевскомъ театрѣ. Со времени его пріѣзда въ Россію, онъ написалъ для петербургскаго театра 34 балета, не считая множества различныхъ отдѣльных танцовъ для разныхъ дивертиссементовъ и т. п. Сверхъ того, особенно замѣчательна та необычайная скорость, съ которою г. Пуны пишетъ свои партитуры: напримѣръ, онъ окончилъ полную партитуру балета «Дочь Фараона» въ 6 недѣль (а сцену въ хлѣвѣ въ одну ночь), «Няля» — въ 3 недѣли, «Эмеральда» въ 2 недѣли, «Катарина» — въ 12 дней, а «Мечты художника» — въ одинъ день! Еще въ пышномъ году написалъ онъ новую вариацию, исполненную г-жею Каммереръ 1-й въ «Рыбкѣ», автрактъ на мотивы русскихъ пѣсень для того же балета и новую же вариацию въ «Корсарѣ» для г-жи Ваземъ; сверхъ того, онъ оркестровалъ большое и весьма поэтическое па «La chasse aux alouettes» на музыку Обера, поставленное балетмейстеромъ г. Петипа и протанцованное воспитанницей Вергиной въ спектаклѣ, бывшемъ въ Царскомъ Селѣ, 17-го апрѣля, по случаю праздника лейб-гвардіи гусарскаго полка. Въ знаніи оркестровки отдалъ г. Пуны должное всѣмъ лучшимъ нашимъ музыкальнымъ критикамъ.

Въ Голосѣ пишутъ, что ангажированная въ Петербургъ танцовщица Гевриетта Доръ пріѣдетъ туда къ 15 августа и будетъ тамъ танцовать до 15-го ноября. Между прочимъ, для нея предполагается поставить большой новый балетъ, сочиненіи Мариуса Петипа «Le roi Candaule», заимствованный изъ исторіи Геродота (!). Изъ Парижа сообщаютъ, что г. Сен-Леонъ, который было, опасно заболѣлъ, теперь поправился настолько, что приступаетъ надвѣхъ къ постановкѣ на театрѣ Большой оперы, для г-жи Адели Гранцовою, также поваго хореографическаго произведенія «Олимпія». Балетъ этотъ будетъ въ четырехъ картинахъ, сюжетъ заимствованъ изъ рассказовъ Гофмана; либретто написано Нюптеромъ, вмѣстѣ съ самимъ директоромъ большой оперы, Эмлемъ Перрепомъ; музыка «Олимпія» принадлежитъ г. Лео Делпбу (Léo Delibes), который написалъ музыку извѣстнаго па «Le Jardin animé» въ «Корсарѣ». До сихъ поръ г-жа Гранцова танцевала на парижской сценѣ въ балетахъ «Корсаръ» и «Жизель»; надвѣхъ, работая въ танцевальномъ классѣ г-жи Домпикъ, она сильно повредила себѣ ногу, но, по мнѣнію медиковъ, не предвидится никакихъ опасныхъ послѣдствій.

Въ Петербургскомъ листѣ сообщаютъ, что въ петербургскую русскую оперу назначается новый режиссеръ, бывший пѣвецъ этой же оперы, *Г. Я. Стьовъ*.

Въ Парижѣ ходитъ рассказъ о слѣдующемъ остроумномъ словѣ Россини. Однажды косматый композиторъ явился къ Россини; худоба дѣлала его почти прозрачнымъ. Россини пріялъ его весьма радушно и, что съ нимъ случается весьма рѣдко, попросилъ своего зобрата сыграть ему что нибудь изъ своихъ произведеній. Тотъ садится за фортепiano, стучитъ, колотитъ, играетъ носомъ, ногами, наконецъ, останавливается въ изнеможеніи. — Что это такое? — спрашиваетъ Россини. — Похоронный маршъ, который я сочинилъ на смерть Мейербера. Какъ вы находите его, божественный маэстро? — Недурно. Но было бы, если бы вы умерли, а Мейерберъ написалъ на васъ маршъ.

РЕДАКТОРЪ В. Родиславскій
ИЗДАТЕЛЬ А. Пономаревъ..

О ВЪ Я В Л Е Н І Е

Объявленія для напечатанія въ «Антрактѣ» принимаются въ конторахъ типографій Смирнова и Риска съ платою по 5 к. с. за строкъ обыкновеннаго шрифта.

ВЪ КОНТОРѢ
КОРЕЩЕНКО СТАРШАГО и К^о,

въ Мясницкой, противъ дома г. Черткова,

ПРОДАЖА И ПОКУПКА

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ПРОЦЕНТНЫХЪ БУМАГЪ.

ПРОДАЖА, ПОКУПКА И ССУДА ПОДЪ ЗАЛОГЪ

домовъ, земель, лѣсовъ и выкупныхъ ссудъ, по выкупнымъ предъявленнымъ слѣдкамъ и уставнымъ грамотамъ.